

С. Н. Азбелев
Санкт-Петербург

Воспоминания о В. В. Мавродине

Владимир Васильевич никогда не был моим *официальным научным руководителем*: в Университете курсовые работы и дипломную я писал у других преподавателей; не он являлся формальным руководителем моей кандидатской диссертации. Мы вообще сравнительно редко с ним общались — кроме, конечно, неперемного моего присутствия на всех его лекциях, где я всегда сидел в первом ряду, поближе к кафедре, стараясь не пропустить ни одного слова. Я мог бы упомянуть нескольких не только превосходно знавших, но, по-видимому, и любивших свой предмет учителей тогдашнего студенчества среди профессоров Исторического факультета, который я окончил с отличием в 1955 году. Но называть настоящим своим УЧИТЕЛЕМ «с большой буквы» могу только Владимира Васильевича Мавродина.

Дело даже не в том, что лекции его были мне особенно близки по своей тематике, всегда богаты неординарным содержанием и читались с только ему одному свойственными теплотой и задушевностью. В то очень непростое время понастоящему честное преподавание отечественной истории требовало мужества. И им действительно обладал Владимир Васильевич — при внешней мягкости и даже покладистости своего характера. Он не заботился — как заботились, порой весьма старательно, иные профессора — о том, чтобы его лекционный курс воспринимался в фарватере то якобы незыблемых, то вдруг круто изменявшихся идеологических установок. Мавродин вообще к ситуациям НЕ ПРИСПОСАБИВАЛСЯ, а неуклонно предлагал в своих лекциях им самим разработанную и, можно даже сказать, им выстраданную концепцию истории Древней Руси. Кое-что в этой концепции могло претерпевать изменения, но они являлись результатами только внутренней эволюции научных представлений УЧЕНОГО.

Владимир Васильевич не получал самых престижных государственных премий и высоких академических званий — в то время, как получали другие, постаравшиеся не без успеха, чтобы к их трудам благосклонно отнесся «вождь народов» и «корифей науки», который присвоил себе высший арбитраж не только в ней, но и во всех областях человеческой деятельности. Мавродин ни к кому не подлаживался, и именно этому далеко не в последнюю очередь обязан был высочайший моральный его авторитет среди историков (и не только историков).

Независимость суждений, обоснование их широко проработанным и увлекательно подаваемым материалом — всегда обеспечивали «аншлаг» лекциям Владимира Васильевича, который читал их вполне академично, без «театральных эффектов», от чего не свободны были некоторые другие лекционные курсы.

Впрочем, нередко в его лекциях проскальзывал сдержанный добрый юмор, особенно свойственный Владимиру Васильевичу в «неформальных» ситуациях. Позволю себе привести пример из «опыта» первокурсника. Перед первой в моей жизни сессией профессор Мавродин, заканчивая свою финальную лекцию по истории Древней Руси, пожелал нашему курсу успешно сдать предстоящий экзамен (который сам же и принимал), сказав: «Ни пуха, ни пера!» По студенческой своей склонности к озорству, я, будучи старостой курса, встал и громко

произнес: «Идите к черту, Владимир Васильевич!». Направлявшийся к двери Мавродин обернулся и ответил с доброй улыбкой: «Я уже иду!» (можно предположить, что шел на прием к кому-либо из столпов тогдашнего университетского начальства).

На экзаменах он бывал благожелателен, но справедлив, и никогда не завышал оценки студентам, пытавшимся «понравиться» экзаменатору. Доброта Мавродина не была сродни доброте тогда же преподававшего на Истфаке престарелого академика В. В. Струве. Студенты шутили между собой, что если прочесть один раз его толстый учебник «История Древнего Востока», то пятерка от Василия Васильевича обеспечена, а если ни разу не прочесть, то обеспечена четверка. Ниже четверки он, кажется, действительно оценок тогда не ставил. Если Струве видел, что студент билета совсем не знает, то сам рассказывал ему ответ и сносно повторившему это студенту выставлял «хорошо» — добавляя с улыбкой обычные свои слова: «Голубчик, Вы меня утешили!».

Мавродин на экзаменах, конечно, требовал самостоятельного ответа. А если студент оказывался действительно хорошо знающим, то Владимир Васильевич не давал времени на слишком развернутое повествование по самому билету, а превращал экзамен в краткое собеседование, где студент мог уже обнаружить зарождение будущих своих научных интересов.

Именно профессор Мавродин стал «крестным отцом» первой моей статьи в вузовском научном журнале — статьи, которую я отважился представить на его суд, только завершив кандидатское сочинение. Эта небольшая публикация не была уже связана тематически с моей диссертацией, но появилась в «Вестнике Ленинградского университета» почти одновременно с ее защитой (ровно пятьдесят лет назад). В самой диссертации и в предшествовавших ей публикациях я тогда еще выступал только как источниковед (это было связано с тем, что в аспирантуру попал в литературоведческий институт). Однако статья моя, которую благословил печатать Владимир Васильевич, претендовала уже на решение «собственно исторического» вопроса: она называлась «Имели ли место сухопутные походы Руси на Константинополь?».

Кандидатская диссертация о новгородских летописях была через два года после защиты издана под маркой Академии наук в Новгороде, вопреки требованию Новгородского обкома КПСС рассыпать набор этой книги — под предлогом несоответствия ее содержания основному профилю тамошнего издательства. Книга вышла благодаря вмешательству двух академиков — М. П. Алексеева и В. В. Виноградова (возглавлявшего тогда Отделение литературы и языка Академии наук), которые сразу же обратились с аргументированными письмами к первому секретарю обкома. Готов был обратиться от лица Университета и декан Исторического факультета В. В. Мавродин, но давления со стороны Академии тогда оказалось достаточно.

Владимир Васильевич возглавлял и факультет, и его основную кафедру, однако далеко не просто оказалось ученикам и коллегам добиться издания сборника статей, посвященного юбилею В. В. Мавродина. Шестидесятилетие его было в 1968 году, но книга вышла только через три года. Участвовали в ней тридцать ученых-историков. Все они являлись либо преподавателями Университета, либо выпускниками Истфака. Памятуя благожелательную готовность Владимира Васильевича добиваться издания моей книги о новгородских летописях, я посвятил

свою статью юбилейного сборника отражению в этих летописях Куликовской битвы (790-летие ее отмечалось годом ранее, а издание посвященных ей источников было отрецензировано в «Известиях Академии наук» именно В. В. Мавродиным — в том же году, когда упомянутая моя книга все же увидела свет).

Изредка мне доводилось видеть профессора Мавродина в обстановке неофициальной. Однажды в 1970-х годах я был на его даче в Зеленогорске, куда он пригласил меня, чтобы дать письменную рекомендацию моей статье, которую в то время сложно было опубликовать. Много позже я оказался его соседом за столом на свадьбе оканчивавшего Истфак студента (который только что получил от меня редакторское добро на публикацию первой своей работы в фольклористическом научном сборнике). Разница в возрасте между деканом Мавродиным и мной тогда уже не очень ощущалась.

Остроумный собеседник, постоянно пересыпавший разговор шутками и всегда очень удачным цитированием на память русской классической литературы и даже классического древнерусского фольклора, Владимир Васильевич был в общении незабываемо прост и доброжелателен.

Январь 2008 г.

Н. А. Мининков
Ростов-на-Дону

Владимир Васильевич Мавродин **(краткие воспоминания)**

О Владимире Васильевиче Мавродине я слышал еще с первого курса учебы на историческом факультете Ростовского госуниверситета. Во-первых, о нем нам рассказывала Ангелина Григорьевна Задёра, которая читала нам историю СССР периода до конца XVIII в., при изучении разных тем курса — от происхождения государства на Руси до восстания Е. Пугачева. С этими, как и со многими другими темами, были связаны труды ленинградского историка. Во-вторых, более углубленно с его трудами мне довелось познакомиться самому в связи с изучением истории донского казачества за период с XVI до начала XVIII вв., которая оказалась в центре моего внимания. Уже студентом я обратил внимание на широту научных интересов ученого, глубокое знание им историографии и источников, на аргументированность положений и выводов, и в то же время на оригинальность и смелость отдельных построений, относившихся, в частности, к проблеме происхождения казачества и дискуссии по вопросу о существовании исторических предшественников казачества вроде бродников.

Весной 1978 г. у меня состоялось личное знакомство с выдающимся историком. В то время я выезжал в Ленинград на обсуждение своей кандидатской диссертации. Она была посвящена политике московского правительства на Дону за период с XVI в. до 1671 г., когда было подавлено Разинское восстание. Обсуждение проходило на кафедре истории СССР периода феодализма, которой заведовал Владимир Васильевич. Основным докладчиком по моему вопросу выступал